

А.Б. Пичугин

Археологические аспекты изучения проблемы этногенеза татар (середина XIX – начало XX в.)

Ключевые слова: государственность, этнография, археология, финансирование, история, исследование, университет, народность, древний, министерство, провинция, городище, эра, открытие, раскопки, памятники, цикл, надпись.

Key words: state system, ethnography, archeology, financing, history, research, university, nationality, ancient, ministry, province, site of ancient town, era, discovery, excavations, monuments, cycle, inscription.

Изучение этногенеза татар является одной из актуальных проблем исторической науки. Это связано прежде всего с тем, что татары в настоящее время составляют свыше 30 млн чел. и по численности занимают третье место в России.

Вопрос происхождения этого народа всегда волновал ученый мир. Важен и консенсус между научным сообществом и органами самоуправления. Финансирование археологических исследований представляет собой едва ли не самую главную и стержневую составляющую связь, на которой «насажены» ряд других немаловажных проблем.

Наиболее широко и основательно к данной проблеме ученое сообщество наряду с Министерством просвещения подошло с началом основания в Казани Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

С.М. Шпилевский так писал о задачах деятельности данного общества: «Важность административной децентрализации, являющейся в форме местного самоуправления, сознается не только в интересах отдельных самоуправляющихся местностей, но и всего политического целого. Подобно этому признается важность изучения отдельных местностей не только в интересах этих местностей, но и целого государства и даже – всего человечества» [1, с. 20].

Известный публицист конца XIX в. А.Д. Градовский пишет, что «участие в администрации лиц, непосредственно заинтересованных, необходимо ввиду разнообразных интересов общества и государства. Оно выводит на сцену действительно насущные потребности... Между тем сознание этих потребностей утрачивается, как скоро обсуждающаяся власть покидает местность и сосредотачивается исключительно в центре. Отсюда проистекают весьма важные невыгоды для общества и государства. Местные нужды начинают обсуждаться под влиянием одних общегосударственных соображений» [2, с. 4]. Подобно этому высказыванию известный археолог XIX в. Забелин говорит: «Пока областная история с её памятниками

не будет раскрыта и подробно рассмотрена, до тех пор все наши общие исторические заключения о существовании нашей народности и её различных исторических и бытовых проявлений, будут голословны, шатки даже легкомысленны, чему легко указать множество примеров» [3, с. 109].

В приведенных высказываниях родоначальников изучения археологии и этнографии народов России можно уловить прямые намеки на непонимание нужд ученого сообщества органами местного самоуправления.

В середине XIX в. в Казани было распространено меценатство. В первые годы образования Казанского Общества археологии, истории и этнографии (КО-АИЭ) при Императорском Казанском университете большая часть финансирования раскопок, поездок и разведок местности приходилась на так называемые взносы. Взносы, как правило, по большей части делали меценаты, общественные деятели, дворяне. К марту 1886 г. ОАИЭ состояло из 138 членов, включая И.И. Срезневского, А.С. Уварова, В.К. Савельева, Н.И. Золотницкого, Н.П. Лихачева, П.А. Пономорева и др. За 8 лет существования общество провело 40 заседаний общего собрания. На этих заседаниях было прочитано 98 научных сообщений. Большая часть научных сообщений относилась к Волжско-Камскому краю и представляла собой результаты раскопок и различных этнографических исследований. Однако общество остро нуждалось в субсидировании научных изданий. Его совет в своем ходатайстве перед министром народного просвещения просил о ежегодной субсидии на издание научных трудов общества.

Министерство практически «закрывало глаза» на эти просьбы и ходатайства, поэтому приходилось ограничиваться лишь публикацией кратких рефератов трудов членов общества, что, конечно же, не было достаточно.

Общество принимало непосредственное участие в охране и сохранении развалин древнего Булгара. Действительные члены общества Н.П. Загостин и П.А. Понаморов предприняли попытку реставрации двух зданий на территории Булгар – малого минарета и Черной палаты [4, с. 13–14]. В последующие годы после исследования С.М. Шпилевского и Х.Г. Пашковского был произведен ремонт этих зданий.

В XIX в. на территории археологических памятников в Спасском районе, в Болгарах, были зафиксированы первые в те годы хищнические раскопки местных

жителей. В деле Императорской Археологической комиссии за №69 от 27 ноября 1887 г. «Об установлении необходимого порядка в деле сохранения и охранения древностей» помещено прошение на имя казанского губернатора, где говорилось что «в императорской комиссии имеются сведения, что крестьяне села Болгар, Спасского уезда, Казанской губернии, свободно вырывают фундаменты старых кирпичных построек, принадлежащих ко времени существования здесь столицы Болгарского царства, находящихся на их пахотных и усадебных землях, и местная полицейская власть не оказывает им в этом ни какого противодействия. Между тем, на основании Высочайшего повеления 11 марта 1889 г., опубликованного в Собрании Распоряжений Правительства 9 мая 1889 г., за №43, производство раскопок на землях общественных предоставлено исключительно ведению Императорской Археологической Комиссии и, так как, к числу общественных земель, на основании 3, 7, 31, 36, 37 ст. Общ. Полож; 1, 35 примен. К 163 ст. Полож о вык и 12-13 ст. Полож., принадлежат и земли крестьянские усадебные, за исключением выкупленных. По этой причине Археологическая Комиссия имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение, чтобы местная полицейская власть, под опасением административного взыскания, впредь не допускала никаких раскопок на пахотных землях и усадебных землях в селе Болгары (за исключением уже выкупленных, если такие там есть), а виновных в нарушении упомянутого Высочайшего повеления подвергать законной ответственности. В тех же случаях, когда раскопка на крестьянских усадебных землях окажется необходимой для хозяйственных надобностей, таковая должна проводиться с дозволения быть производима с ведома и под наблюдением Общества Истории, Археологии и Этнографии при Императорском Казанском Университете, которому поручен надзор за сохранением развалин в селе Болгары. Подписал: Граф А.Бобринский» [5, с. 11–12].

В приведенном документе прослеживается внимание к древностям и историческим памятникам археологического общества, радеющего о сохранении прошлого Поволжья. Можно упомянуть и о незаконченном и интересном проекте КОАИЭ – строительство публичного историко-этнографического музея, который был внесен на рассмотрение В.М. Флоринским в Казанскую Государственную Думу. Но поддержки в местной думе проект не встретил [6, с. 11–12].

Для изучения государственности волжских болгар обществу была дана возможность исследовать городища и курганы. В России, особенно в провинции, городища и курганы могли сохраниться, по сравнению с Западной Европой, в большем количестве и в лучшей сохранности. Это объясняется редкостью

поселений и большим обилием свободных земель. С.М. Шпилевский в отчете о проделанной обществом работе писал: «Европа имеет право ожидать от России, в интересах общенаучных, всемирночеловеческих, что мы заботимся о дальнейшем сохранении этих памятников и об изучении их» [1, с. 11]. Вместе с тем известные академики того времени Бэр и Шифнер, говоря о важности изучения древностей в России, справедливо замечали, что «если Россия не займется изучением своей древней старины, то она не исполнит своей задачи, как образованного государства; дело уже перестало быть народным – оно делается общечеловеческим [7, с.9].

Немаловажным достижением общества был синтез комплекса наук, изучающих проблемы датировки, химических составов, а также антропологических составляющих древностей. Так, В.К. Савельев признает необходимость химического анализа бронзовых изделий разных эпох. Граф Уваров при исследовании курганов классифицировал бронзовые находки у химика Феррейна, а черепа возил на исследования профессору Ландцерту.

Изучая государственность и этнос Волжской Булгарии, КАОИЭ уделяло внимание мусульманским надмогильным камням с надписями раннего Средневековья. Исследуя эти надписи, известный знаток тюркских наречий Н.И. Ильминский одним из первых выявил в них следы чувашского языка.

Вместе с тем С.М. Шпилевский считал изучение проблемы надгробных мусульманских надписей прерогативой ориенталистов, которые, по его мнению, должны составить важнейшую область изысканий общества. Известные знатоки тюркских и финских наречий Готвальд, Золотницкий, Ильминский, Радлов были задействованы в различных научных спорах и дискуссиях общества археологии.

В сохранении памятников культуры раннего Средневековья принимали участие местные жители. Помощь жителей заключалась прежде всего в сохранении надписей, сообщении сведений о них и при возможности предоставлении обществу самих надгробных камней или снимков с надписей.

Указывая важнейшую цель Казанского общества археологии, истории и этнографии – сохранение памятников и привлечение к ним общественного внимания, Императорское Археологическое общество резюмировало: «Пока большинство нашей образованной публики будет либо совершенно равнодушно относиться ко всему, что не составляет интереса животрепещущего, либо дорогих и живых чуждаться произведений седой старины, как к ожившей ветоши, до тех пор много дорогих и живых свидетелей прошлого быта будет пропадать безвозвратно. И эти пропажи лягут на совесть не одного безграмотного люда или полуграмотных местных властей, как иные думают» [8, с. 19].

Казанское общество позиционировало себя прежде всего как ученое братство, в которое вступали все, без различия чинов, званий, народностей и вероисповеданий, в котором все пользовались одинаковыми правами. Перспективой далекого будущего общество считало финансирование и зависимость от местных властей. «При полном равнодушии к нашим целям и работам, – говорил С.М. Шпилевский, – при совершенном отсутствии поддержки в вышеуказанном смысле, наше ученое сообщество, замкнувшись в немногочисленном составе лиц, бедное материалами и средствами для ученого труда, не может быть ни производительным, ни даже долговечным! Да, гг. представители местного общества, мы зависим от Вас! Ваше внимание, сочувствие и помощь нам необходимы!» [1].

Таким образом, проблема заинтересованности, участия местных властей в мероприятиях культурного просвещения и охраны памятников архитектуры и истории, а также финансирование проектов всероссийского масштаба – желает быть лучше. История проблемы циклично повторяется, несмотря на разные формы правления в нашей стране. В качестве наглядного примера «непонимания» важности исследований в сфере исторической науки со стороны Москвы, представим фрагмент отчета «Об археологических раскопках В.С. Смолина в Казанской губернии в 1921 г.». В ответ на запрос Москвы от 19 ноября 1921 г. о проделанной работе В.С. Смолин пишет: «Произвести археологические раскопки на местах древних болгарских городов Биляра и Суvara мне не удалось, хотя и получил от Главмузея на эти работы открытый лист. Работы были задержаны тем, что я получил слишком незначительные суммы на производство раскопок, от Татарской Республики никакой помощи (ни продовольствием, ни инвентарем) оказано не было, а между

тем Чистопольский и Спасский кантоны (где были намечены археологические пункты) как раз оказались в сильнейшей степени поражены голодом. Поэтому ни я, ни мои намеченные сотрудники не могли выехать на работы, имея тогда получить суточных лишь 1/30 жалования, что не давало бы никакой возможности прокормиться» [9].

Горький опыт прошлого должен идти на пользу в будущем, чтобы в дальнейших исследованиях не повторялись ошибки, которых было много.

Читая статью Д. Куликовского «Эра великих открытий на Востоке», написанную в 1885 г., невольно задумываешься о силе исследователя, мецената, о рвении к проблеме, с которым научное общество делало свои открытия. «Существует психологическая необходимость жить не только настоящим, но и будущим и, вместе с тем, интересоваться прошлым. Интересующийся только завтрашним днем в интересе к прошлому не идет дальше вчерашнего. Проникая же в идеалы отдаленного будущего, люди нашего времени, в то же время, проникают в тайны отдаленнейшей древности. Да и что такое наша современная жизнь, наш век, это не более как один переходящий момент в потоке времен. Позади нас тянется длинный ряд веков, в течение которых человечество развивалось, а впереди такой же длинный ряд веков, в течение которых оно пойдет дальше в своём развитии. Без прошлого и без будущего – настоящее не имеет смысла. Это точка вне пространства, момент вне времени!» [10, с. 63].

Таким образом, в изучении этногенеза татарского народа велика роль археологии, памятники которой требуют в дальнейшем пристального и более глубокого изучения. Подспорьем в этом служит исследовательская традиция, заложенная Казанским обществом археологии, истории и этнографии.

Библиографический список

1. Шпилевский С.М. О задачах деятельности Казанского Общества Археологии, Истории и Этнографии / С.М. Шпилевский. – Казань, 1884.
2. История местного самоуправления в России // А.Д. Градовский. Собрание сочинений. Т. 1: Введение. – СПб., 1899.
3. Опыт изучения русских древностей и истории / Забелин. – М., 1873. – Т. II.
4. Краткий очерк восьмилетней (1878–1886) деятельности Общества археологии, истории и этнографии и его задачи. – Казань, 1886.
5. Отчет о деятельности Общества за третий год существования (1884–1886). – Казань, 1886.
6. Отчет о деятельности и состоянии ОАИЭ за 1882–1883 гг. / сост. Н.П. Загоскин. – Казань, 1883.
7. Ворсо И.И. Северные древности королевского музея в Копенгагене / И.И. Ворсо. – СПб., 1861. – №474.
8. Известия Императорского Археологического Общества. – М., 1868. Т. VI. – Отд. 2, 19.
9. Отчет об археологических раскопках В.С. Смолина в Казанской губернии в 1921 г. // Государственный институт археологии материальной культуры. – СПб. – №65.
10. Куликовский Д. Эра великих открытий на востоке / Д. Куликовский // Русское богатство. – М., 1885. – Т. VIII.